

Гайдар Егор Тимурович, кандидат экономических наук.

Лацис Отто Рудольфович, доктор экономических наук.

Коммунист № 17 (ноябрь) 1988 год

По карману ли траты?

Повестка дня октябрьской сессии Верховного Совета СССР была обычной – годовой план и бюджет. Но подход к обсуждаемым вопросам заметно отличался от того, что мы наблюдали десятилетиями. От парадности к деловитости – так можно охарактеризовать происшедший поворот в стиле работы. Спокойно отметив заметное улучшение показателей экономического роста в текущем году, оба докладчика сосредоточили внимание на нерешенных проблемах. Последуем этому примеру и мы. Рассмотрим одну из наиболее острых, если не самую острую, из сегодняшних экономических проблем: оздоровление финансов.

Документы сессии по этому вопросу не имеют прецедента за все послевоенные десятилетия: государственный бюджет утвержден с дефицитом. Как сообщил министр финансов СССР Б. И. Гостев, дефицит бюджета не сегодня возникшая проблема, расходы государства опережали доходы на протяжении многих лет. Однако на сессиях высшего органа власти до сих пор об этом не было речи. Дефицит маскировался с помощью несложных приемов, преувеличивавших доходы бюджета. Правда о существовании дефицита была сказана в Тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партконференции, а затем на самой конференции. Теперь на сессии названа и сумма: Закон о Государственном бюджете определил ее на 1989 год почти в 35 миллиардов рублей, или свыше 7 процентов расходов бюджета.

Много это или мало? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обеспечить сопоставимость с международной финансовой статистикой. По принятой практике дефицит бюджета включает всю сумму превышения расходов над доходами, в том числе и ту ее часть, которую удалось покрыть за счет различных кредитных источников. В государственном бюджете, так же как, впрочем, и в семейном, не принято смешивать доходы и взятые займы средства. Никому не приходит в голову исключать из дефицита государственного бюджета США суммы, заимствованные у Федеральной резервной системы.

Обратимся к докладу В. И. Гостева. В сообщенной им структуре доходов государственного бюджета привлекает внимание третий раздел, «Средства общегосударственного ссудного фонда», – они исчисляются в 63,4 миллиарда рублей. Но ведь это тот же источник, из которого финансируется и дефицит. Сам докладчик сообщил, что в связи с дефицитом, сложившимся в 1988 году, «для сбалансирования бюджета

пришлось позаимствовать средства у Государственного банка СССР». Правда, есть и другой источник: увеличение нашей внешней задолженности. Но размер ее и так приближается к признанным границам безопасности. Выйти из этих границ – значит пойти на риск гораздо более тяжелых осложнений в следующей пятилетке. Опыт стран, пошедших по такому пути, а также трезвая оценка наших платежных возможностей побуждают решительно возражать против таких предложений.

Итак, реальная сумма заимствований государственного бюджета в следующем году приблизится к 100 миллиардам рублей, а если, как это и было в текущем, расходы будут расти быстрее, чем планировалось, а доходы отставать от плана, превысит эту величину.

Для оценки финансового положения государства в мировой практике принято использовать отношение дефицита к валовому внутреннему продукту. Близкие результаты дает отношение дефицита бюджета к валовому национальному продукту, который с 1988 года рассчитывается в СССР. По плану на 1989 год сумма заимствований государственного бюджета из ссудных фондов превысит 11 процентов валового национального продукта.

На сессии справедливо отмечалось, что привлечение заемных средств для финансирования государственных расходов – распространенная мировая практика. Весь вопрос в масштабах заимствований. Рассмотрим же, о чем говорит зарубежный опыт.

США. В 1980–1984 годах, когда рост государственного долга прочно выдвинулся на передний план в обсуждении экономико-политических проблем страны, дефицит федерального бюджета составлял 4,3 процента валового внутреннего продукта. Исключительные позиции США в системе мирохозяйственных связей позволили им опереться на кредитные ресурсы всего капиталистического мира, избежать вспышки инфляции. Тем не менее подавляющее большинство американских экономистов сходится в том, что неконтролируемый рост государственного долга остается серьезнейшей угрозой долгосрочным перспективам хозяйственного развития, он оттягивает на себя значительную часть ресурсов, которые было бы необходимо направить на повышение эффективности производства, конкурентоспособности продукции, отражает безответственность правящих кругов в формировании и использовании бюджета.

В странах, где относительная величина дефицита бюджета выше, а возможности привлечения дополнительных внешних займов ограничены, негативные последствия проявляются сразу.

Аргентина. Дефицит государственного бюджета в последние три года составлял примерно 7 процентов валового внутреннего продукта. Инфляция в 1985 году – около 1000 процентов. Попытка заморозить зарплату и цены, провести денежную реформу позволила в середине 1986 года снизить темпы инфляции до 80 процентов. Однако убытки

государственных предприятий, сохранение дефицита бюджета на высоком уровне не дали возможности закрепить успех. К июню 1988 года темпы роста цен подскочили до 322 процентов.

Бразилия. Дефицит бюджета в 1985 году – 4 процента валового внутреннего продукта. Темпы инфляции в начале 1986 года – 260 процентов. Замораживание зарплаты и цен дало возможность в начале 1987 года сократить ее до 62 процентов. Однако успех был краткосрочным. Дефицит бюджета продолжал расти и в 1987 году достиг 7 процентов валового внутреннего продукта. В мае 1988-го рост цен в годовом исчислении превысил 450 процентов.

Израиль. В 1985 году дефицит бюджета составлял 15 процентов валового внутреннего продукта. Темпы роста цен – 400 процентов. Увеличение американской финансовой помощи позволило в 1986-м резко сократить, а в 1987 году практически ликвидировать дефицит. Темпы инфляции упали до 20 процентов.

Мы говорили о капиталистических странах, где, как правило, имеются крупные резервы (производственных мощностей, рабочей силы), вовлечение которых в хозяйственную деятельность стимулируется ростом расходов бюджета. В СССР таких резервов практически нет, дефицит бюджета является чисто инфляционным фактором.

Можно привести и другие примеры, вспомнить социалистические страны: Югославию, Польшу. Все они однозначно подводят к выводу: если не удастся быстро поправить финансовое положение государства, то высокие темпы инфляции станут и нашей реальностью. По сравнению с этой перспективой взбудораживший все общество вопрос о двукратном повышении цен на мясо окажется не более чем частной проблемой. Правда, в условиях прямого административного назначения государственных цен инфляция проявляется не столько в росте цен, сколько в исчезновении товаров из продажи, но разве от этого легче?

Здесь мы подходим к вопросу о том, как влияет бюджетный дефицит на условия повседневной жизни каждого советского человека. Оценка рыночной ситуации дана в докладе председателя Госплана СССР Ю. Д. Маслюкова. Он отметил, что неудовлетворенный спрос населения достиг десятков миллиардов рублей, и рост денежных доходов продолжает опережать рост производства товаров. Когда в магазинах не хватает одного, другого, третьего товара, можно обращаться с вопросами к предприятиям и организациям, от которых зависит их производство. Но когда список дефицита растет ежедневно, когда исчезают и предметы повседневного спроса, когда в разряд дефицитной переходит продукция, выпуск которой не уменьшился, а возрос, – тут уже привычные ссылки на производственные трудности недостаточны. Ответ нужно

искать в анализе финансовой ситуации. В докладе министра финансов прямо сказано об экономически неправомерной эмиссии денег и инфляционных процессах.

Причины нарастания диспропорций на потребительском рынке коренятся в слабостях экономического развития прошлых лет. Но проявились они сегодня. Экстенсивный экономический рост вынуждал к чрезмерной опоре на нездоровые доходы от продажи водки – сокращение ее с начала двенадцатой пятилетки отняло у бюджета более 36 миллиардов рублей. Отсталая структура экспорта сделала внешнюю торговлю уязвимой для колебаний цен на нефть – их падение повлекло за собой потерю почти 40 миллиардов рублей. Крайнее отставание социальной сферы вынудило ассигновать на ее развитие сверх пятилетнего плана более 18 миллиардов рублей. Свыше 8 миллиардов стоила ликвидация последствий аварии в Чернобыле. Неудивительно, что после такой серии непредвиденных ударов рыночное равновесие зашаталось и начало рушиться на глазах: несмотря на рост производства товаров и услуг, масса не обеспеченных товарами денег возрастает гораздо быстрее. В этих условиях никак не могут удовлетворять рецепты, которые еще недавно представлялись достаточными. Так, всегда считалось, что рыночное равновесие можно обеспечить путем опережающего роста производительности труда по отношению к росту денежных доходов. Но если ведется непервоочередное строительство или производится ненужная рынку продукция, многое ли изменится от того, что на этих производствах возрастет производительность труда? В любом случае вся выплаченная их участникам зарплата составляет чистую потерю с точки зрения рыночного равновесия. Хватаясь за привычные административные меры, ужесточая контроль за соотношением производительности и оплаты труда, мы ни на йоту не приблизимся к решению проблем потребительского рынка. Сегодня на первый план выходит структура общественного производства, соотношение между денежными доходами населения и производством товаров и платных услуг.

К сожалению, это соотношение продолжает ухудшаться. Непокрытый спрос растет, несмотря на большие усилия по дополнительному увеличению производства товаров: слишком велики понесенные в короткий срок потери. Расширение производства требует времени. И если мы хотим ускорить восстановление равновесия, то нужно активнее действовать и с другой стороны: уменьшить поступление необеспеченных денег. В переводе на язык бюджета это означает: если нельзя еще быстрее увеличивать доходы, надо сокращать расходы.

Что такое крупный дефицит государственного бюджета в условиях нашей экономики? Это значит, что часть выплаченных денег не будет обеспечена товарами и услугами. После того как люди потеряют надежду их отоварить, деньги осядут на сберкнижках, а затем, после заимствования их госбюджетом, будут использованы для

финансирования еще одного канала или котлована. Стройки, финансируемые централизованно, при гипертрофии государственных инвестиций поглощают большую часть ресурсов, оставляя очень мало на долю капиталовложений за счет предприятий. Стало быть, дефицит также означает, что предприятия, накопившие хозрасчетные фонды, не смогут приобрести на них оборудование, вести производственное, социально-культурное строительство. Государство без них решило, на что оно потратит осевшие мертвым грузом на счетах средства. Это значит также, что на полную мощность будут работать печатные станки в Гознаке, а в торговле все чаще и чаще замелькают крупные купюры. Наконец, это значит, что неуклонно, вне зависимости от самых строгих указаний, будут расти розничные цены.

Многие думают, что начавшаяся реформа, открыв путь к повышению эффективности, сама собой позволит решить проблемы бюджета. Эти надежды прозвучали и на сессии. К сожалению, реальнее обратная взаимосвязь – если не принять крупные меры, направленные на устранение финансовых диспропорций, неудача реформы предрешена. Деньги, на которые ничего нельзя купить, не могут быть действенным стимулом. Весь мировой опыт свидетельствует – экономические методы, рыночное регулирование в условиях подобного дефицита могли бы действовать только при росте цен, измеряемом десятками и сотнями процентов. Понятно, что на это идти нельзя. Попытка оплачивать государственное расточительство за счет населения не имеет ничего общего с целями перестройки.

Поэтому сегодня нет такой общественной проблемы, существованием которой можно было бы оправдать отсрочку финансового оздоровления. Можно и нужно спорить и взвешивать, на что в первую очередь направить дополнительные общественные средства – на подъем агропромышленного комплекса, развитие энергетики или укрепление обороноспособности. Но этот спор теряет смысл, если у государства не только нет этих дополнительных средств, но его не обеспеченные реальными ресурсами расходы и так разоряют страну.

Быстро изменить положение можно только одним способом: решительно сократить расходы государства. На централизованное финансирование отраслей народного хозяйства в 1989 году направляется 172,7 миллиарда рублей – это самая крупная статья расходов. Из них 82,1 миллиарда рублей составляют государственные капитальные вложения. Сюда же входит и часть дотаций убыточным предприятиям. Здесь не только самый крупный, но и самый реальный резерв экономии. Ведь широко известно, что средства из государственного бюджета («ничьи») используются гораздо менее рачительно, чем средства из хозрасчетного дохода предприятий («свои»). Что можно сказать о результативности предпринятых до сих пор усилий в этом направлении? Как

является из материалов сессии, сроки строительства многих объектов по-прежнему превышают нормативные в два-три раза. Только в сверхнормативном незавершенном строительстве заморожено свыше 9 миллиардов рублей, сверхнормативные запасы неустановленного оборудования достигли 5 миллиардов, 10–11 миллиардов теряется ежегодно в связи с механическим (то есть без всякого обоснования) покрытием убытков предприятий. Переход от безвозмездного предоставления инвестиций к их кредитованию на основе платности и возвратности характеризуется в докладе министра финансов лишь как «перспективный метод», который предстоит «глубоко и всесторонне проработать». А ведь предложения о применении этого метода известны уже десятки лет. Можем ли мы и сегодня «прорабатывать» на будущее неотложные меры, которые назрели давным-давно?

Пожалуй, ни в одной сфере нынешние экономические противоречия не проявляются так ярко, как в агропромышленном комплексе. Продовольственная проблема из первоочередной явно стала внеочередной. Кажется, мы ничего бы не пожалели, чтобы быстро поправить здесь положение. Но именно поэтому особенно важно сохранять трезвость в оценке последствий принимаемых решений. Первый импульс – немедленно бросить дополнительные бюджетные средства. Но вспомним: с начала семидесятых годов сюда стремился беспрецедентный с точки зрения международных сопоставлений поток ресурсов. В 1971–1985 годах в сельское хозяйство было направлено 579,6 миллиарда рублей капиталовложений. И что же? Среднегодовой объем созданной в отрасли чистой продукции в сопоставимых ценах в 1980–1981 годах был почти на 10 процентов ниже, чем в 1970-м. С 1982 года он начал постепенно повышаться. Но в среднем за 1985–1986 годы лишь сравнялся с уровнем 1970 года. 113,5 миллиарда рублей было израсходовано только на мелиоративные мероприятия и освоение мелиорированных земель. В последние годы объем выбытия орошаемых земель почти сравнялся с их вводом. Непредвзятый анализ показывает: спорить о сроках окупаемости вложений здесь бессмысленно. При существующих экономических отношениях реализуются проекты, которые не окупаются никогда, представляют собой чистый вычет из национального дохода, деньги, выброшенные на ветер.

Ключ к успеху новой аграрной политики – перестройка экономических отношений на селе. Только решив эту задачу, можно рассчитывать, что ресурсы начнут давать отдачу. Именно поэтому и здесь успех зависит от здоровых финансов, твердого рубля, активной антиинфляционной политики, от переноса центра тяжести с государственных инвестиций на хозяйственные, как предлагалось с трибуны XIX конференции. (Разумеется, речь идет об уменьшении инвестиций за счет государства в сферу материального производства, а не об экономии за счет социальной сферы.) Любые меры, подрывающие финансовое оздоровление, вместе с тем прямо бьют и по агропромышленному комплексу.

В последнее время широкое внимание приковано к проблеме дотаций на продовольствие. От них можно отказаться, лишь компенсировав потери населению. Так что хотя изменение структуры розничных цен необходимо, приемлемыми с социально-политической точки зрения могут быть лишь варианты решения, при которых государственный бюджет ничего не выиграет. Но пока идут споры и подготовка решений, дотации растут так быстро, что нести эти затраты в таких масштабах государству просто не под силу. Единственный реальный путь снижения этих расходов – отказ от избыточных затрат, от оплаты за счет бюджета бесхозяйственности и расточительства. В этой связи высказывалось немало здравых идей. Характерно, что именно эти вопросы были крайне слабо отражены при обсуждении плана и бюджета. Здесь доминировал совсем иной мотив – даешь больше государственных ресурсов. На 1989 год агропромышленному комплексу выделено из бюджета 108,8 миллиарда рублей.

Г. Сокольников, в начале двадцатых годов на посту народного комиссара финансов яростно боровшийся за сокращение бюджетного дефицита, за отказ от финансирования государственных расходов с помощью печатного станка, предлагал повесить возле Высшего Совета Народного Хозяйства вывеску: эмиссия – опиум для народного хозяйства. Полезно и сегодня помнить об этом всем, кто отвечает за формирование и реализацию экономической политики.

В докладе министра финансов на сессии сказано: «Нужно взять за правило всегда и во всем соизмерять доходы с расходами, научиться жить по средствам». Действительно, нужно. Очень нужно. Подавляющее большинство предприятий еще не научилось этому – достаточно сказать, что на содержание своих работников управления предприятия расходуют более 30 миллиардов рублей. Но разве не государство должно подать пример умения соразмерять свои расходы с доходами?